

Педагогический новодел как языковой беспредел, или «Сочетание практического работника с научным поиском»

*А. Мурашов,
профессор,
доктор
филологических
наук, г. Москва*

Сегодня идёт новый этап реформы образования, отмеченный борьбой за его качество. Кому дано право оценивать это качество? Читая научные статьи и монографии, понимаешь: особенность «научного осмысления» реформы — языковой беспредел, коим характеризуются и высокоумные работы нынешних Сократов и Коменских, и диссертации только-только вступающих в науку. Качество образования — понятие однозначно необходимое; но о нём важно говорить по-русски, если и «судь», и создаваемые ими труды — устные и письменные, большие и малые — претендуют на то, чтобы считаться русскоязычными.

Дама-педагог, опубликовавшая в разных изданиях десятков научных работ, защищает диссертацию, где с некоторой долей учёной снисходительности напоминает о высоком предназначении современной школы: «Её исходной, самой главной задачей является организация потенциально возможного набора деятельностей, предоставляемых ученикам для их творческой успешной самореализации, обеспечивающей благодаря проживаемой успешности в достижении высокой результативности формирования адекватной самооценки и вытекающего из неё оптимистичного отношения к жизни». Всё ясно? А что непонятно, — то не для средних умов, ибо будущий кандидат наук пишет автореферат «с позиции концепции философии образования»...

Может, это и не безграмотность вовсе, а специфический язык — с педагогическим «приветом»? Бывают же педагоги, с маниакальным упорством ставящие дефис вопреки всем правилам и нормам: «лично-ориентированной», «социально-ориентированной», даже «знаниево-ориентированной». Почему бы такую «нетрадиционную ориентацию» не закрепить всеобщим признанием права и на собственный язык? Никто не понимает? Тем лучше: и «позиции концепции» пройдут, и о «предоставляемой возможности каждому ученику возможности проявить себя» можно говорить, не боясь заработать двойку. А если серьёзно, то, говоря словами той же дамы — теперь уже защитившегося кандидата педагогических наук, — «реализуется возможность планового осуществления процесса социализации личности каждого», что особенно важно при «сочетании практического работника с научным поиском» (это уже из другого реферата) — то швабры с мотоциклом, а «научно-педагогического языка» — с русским. Но как быть, если учёные-педагоги, и прежде всего — начинающие, защищающиеся, стремятся к «развитию различных взаимосвязанных умений мотивационного компонента профессионального самосознания личности»? Нужен, как минимум, мастер, наставник. Он явился — его тут же «проанализировали» и «заценили» его идеи «по педагогической поддержке ребёнка как важнейшего фактора успешности школьника».

Язык науки — обострённое воплощение того состояния, в котором находится язык нации, точнее, — его речевая реализация в устах и под пером современников. И когда выпускник вуза на пути к кандидатской степени видит не знания ребят, а «знаниево-ориентированные технологии» (а чем иным является рефлексия?), когда он не думает, а «рефлексирует», причём непременно — с «самооценкой своих поступков», как следует из автореферата, а по дороге из дома в школу он «претерпевал путь» к «большому массиву школьников», — кандидатом он станет точно, ведь главное условие этого — перестать говорить по-русски, а плести пустые словесные конструкции, — он уже выполнил.

Не будем обманываться: нет ни «педагогического» языка, ни «исследовательского», ни «диссертационного», в задачи которого входило бы «проинтерпретировать», «отрефлектировать», «простроить» разного рода «компонентные» и «здоровьесберегающие» позиции, которые «для понта» предстанут «пара-

дигмальными деятельностями». Есть — русский язык, о существовании которого ретивые научные руководители соискателей всё больше забывают, навязывая своим «продолжателям» нетрадиционные языковые ориентации, вроде «своей самооценки» или «знаниевых компонентов», где грубое искажение рода, числа, сочетаемости слов выдаётся за педагогический бренд, по сути являющимся бредом.

Ульяновские чиновники писали диктант. Русского языка, в чём никто не сомневался, они не знают, зато победа губернатора в выборах (в ней тоже никто не сомневался) заставила взглянуть на знание языка, как на одну из их приоритетных имиджевых характеристик. Жалкий вид российской команды на белорусско-русской олимпиаде школьников, где с одной-единственной историей были сопоставлены сразу русский язык, русская литература и риторика, тоже русская, настраивает на серьёзный лад в отношении ульяновских чиновников: «Я русский бы выучил...» Только — зачем? Если можно «отрефлексировать» «компетентностно-ориентированные технологии», надо ли вспоминать о сермяжных «путях расширения знаний»? Тем более, когда «технология» — «с позиции концепции философии», «философски обоснована».

Между тем педагог — тот, кто знает и любит своё дело, в то время как «результат эмпирического исследования динамики изменения личности» ни к реальной педагогике как основе цивилизации, ни к русскому языку как к фундаменту национальной культуры отношения не имеет. Или нынешний педагог — тот, кого просто не взяли ни в математики, ни в бизнесмены, а научный коммунизм преподавать теперь уже нет смысла?..

Студент, в третий раз пытающийся сдать зачёт по русскому языку, преисполнен боевого духа — как малыши с рекламы «Пепси», закованный и заваренный в латы легионера:

— Некогда мне зачёты ваши сдавать: работа ждать не будет!

Преподавателю остаётся втянуть голову в плечи с признанием абсолютной правоты студюозуса либо разразиться дидактической сентенцией в духе цитированных «молодых исследователей», чтобы не оставляла никаких сомнений в том, что у юнца извилины задьмятятся.

«...Несмотря на то, что для студентов является актуальным поиск перспектив реализации творческого потенциала, самостоятельное решение профессиональных задач и достижение

успеха, они испытывают потребность в развитии различных взаимосвязанных умений мотивационного компонента профессионального самосознания личности». Круто, а? Такое нарочно не придумашь, даже когда научный руководитель — гений. Можно гарантировать: после такой тирады, да ещё произнесённой с «педагогическим» выражением лица, самый ретивый окосеет и отправится учить русский язык: ведь он своими глазами видел и своими ушами слышал, что может случиться с теми, кто в школе его не учил!

Кандидатом, доктором, светилом каких наук можно стать, если не освоил языка, на котором эта наука являет себя миру? В педагогике — передел. В речи педагогов — беспредел. Между ними — знак равенства?

Русский язык — основа духовности и культуры народа, фундамент личности и государства. И это звучало многократно, только... вход в институт, где звучало, осуществляется, как это сообщают огромные буквы на двери, «по предъявлении Ю студенческого билета», а в приёмной ректора на самом видном месте — папка «ДоговорА», и не надо думать с надеждой, будто это родительский падеж!

В учебнике по русскому языку асимметрия названа «асимметрией», а на упаковке компакт-диска выведена фамилия актёра, в честь которого этот диск вышел: Филиппов. Полное небрежение нормами русского языка в педагогическом наставлении: «Бумага клеится к картону, и Дед Мороз вешается на ёлку» — ничто в сравнении, например, с названием московского отеля «Балчуг», «апартаментами полу люкс».

Читаем в выразительном объявлении: «Приподаю английский язык». Кстати, он, английский, — тоже по-своему правдивый и свободный, но этого не поймёт тот, кто старательно выводит юридическое название своей фирмы на рулоне сделанной этой фирмой туалетной бумаги: «ООО «Эй Си Эй Хайджик Продактс Рапа». Не знает он языка, ни русского, ни английского! Радуется, что не педагоги делают туалетную бумагу...

На каком языке мы говорим и пишем?

На каком думаем?

Наши учёные собраться уже не удивляют нас «результатами анкетирования, осуществляемыми кафедрой», или «слабым контролем студентов» (это кто кого контролирует?), тем более —

«помещением на доску почёта обучающегося!».. Из докторской диссертации: «Три выигрышных карты просит он назвать старуху». — Диссертант, у которого эта фраза была одной из наиболее логичных, откровенно обижен тем, что ему предложили перевести текст на русский язык...

И кого винить в том, что мы так говорим и так пишем, что наши дети, повторяя заученные слова о великом и могучем языке, бегут туда, где «Эй Си Эй», где «продакст», а всё остальное — кратко, как гвоздь кулаком вбить, — «Раша»? Диссертации, воображая себя Жуковым, свалившимися с лошади на головы тем, кто кромсать пока не научился? — Но пьянка давно кончилась, Жуков по-прежнему сидит на коне, а диссертацию, где «чувство неотвратимости жизненного успеха» соседствует с «несравнимой ценностью», а «своя самооценка» переходит в «вариант понимания вариативности», всё равно защитят. Как и эти, в которых: «Деятельность является определяющим фактором, а возникающие отношения следствием, оказываемого оценкой влияния»; «Специфика содержания изменений личности студентов соотносится с параметрами идеальных образов студентов»; «В дальнейшем XIX — начало XX веков вариативность ещё интенсивнее определяла развитие отечественного образования». (Пунктуация, как и всё остальное, вновь соответствуют оригиналу, оставляемому без комментариев.)

«Полученные характеристики данной группы интегрированы так же показателем рефлексивности... Последние являются определяющим фактором... Теоретическая значимость состоит в проведении системного анализа психологического феномена карьерных ориентаций... Обуславливаемая степень выраженности... Неосознаваемое им самим воздействие... С качественным улучшением жизни человека не только в материальном отношении, но и в улучшении его духовного мироощущения, нравственного возрождения... А так же... Интегрированы также показатели рефлексивности... Студентов, неосознающих карьерную ориентацию...» — всё это не бред больного афазией, а заодно — дисграфией. Это — выдержки из авторефератов вполне благополучно защищённых педагогических работ. Исследовательских научных! Причём диссертанты твёрдо убеждены, что говорить (и писать) следует именно так, они изо всех сил пытаются следовать некоему идеалу. Следовать. Подражать.

Не догадываясь, что это — нетрадиционная языковая ориентация, а в нынешней системе ценностей — языковой беспредел в педагогической науке, который пытаются маскировать под реформы с их вариативностью, диверсификацией, креативностью, личностной ориентированностью. Всё это не так уж плохо, но почему школьные *порывы*, в том числе вариативные и креативные, сменились *нарывами*, а *прорывы* — *надрывами*, отбросив Россию по уровню образования с третьей позиции в мире на двадцать шестую? Почему качество образования неуклонно снижается? Дело, очевидно, в том, что педагоги, с завидной настойчивостью игнорирующие языковые нормы, относятся таким же образом и ко всем остальным, а кандидат педагогических наук — и творец, и результат творящегося беспредела. И всё же — он лишь «подражает». А поскольку «частое подражание становится собственным нравом» (Квинтилиан), — не так уж беспочвенны опасения, что трещина между русским языком и научно-педагогическим у цитированных авторов будет становиться всё более широкой и глубокой, принимая очертания непреодолимой пропасти, — как у их опытных коллег, до сих пор с высоколобым упрямством твердящих о «самооценке себя», «компетентностных паттернах», «знаниево-ориентированных технологиях», — твердящих в попытке преодолеть собственную профессиональную несостоятельность и «обуславливающих» всё это «с позиции концепции»...

Сегодня уже можно говорить о тех бомбовых ударах, которые «научно-педагогический» беспредел наносит русскому языку, как и о насилии, которому подвергаются начинающие учёные-педагоги: для них «школа молодого бойца» означает пребывание в роли пилотов этих бомбардировщиков. А ведь они умели говорить! И писать. И строить фразы, иногда — тексты. Но над ними совершили надругательство: чтобы утвердить непогрешимость «мэтра», их заставили забыть русский язык и заговорить «научно-педагогическим». Отсюда — «компонента», исчезнувшая из словарей десятки лет назад, и «обуславливать» вместо категоричного нормативного «обуславливать», и разного рода словообразовательные новации вроде «компетентностный», «лично-центрированный», «отрефлексировать», «принтерпретировать», прочие педагогизмы, которых не было, нет и не будет в словарях.

Стало своего рода традицией: корректоры в издательствах, получая рукописи учёных-педагогов, запасаются авторучками — из расчёта одна ручка на страницу, — а педагогическая учёная степень воспринимается как сигнал о полной профессиональной (в нашем случае — языковой) несостоятельности. Неприятно, конечно. Но стоит педагогу произнести несколько слов «с позиции концепции», как в его устной речи — «движение к построению отвечающего вызовам времени», а на письме — отношение к знакам препинания, как к самому хитрому препятствию на пути к научной карьере. И — степень готова: «соответствует требованиям» и «заслуживает присуждения». С позиции концепции, конечно...

А русский язык живёт — невзирая на все позиции и все концепции. Он сопротивляется «лично-ориентированным» и «знаниевым» бомбовым ударам «гуманитаризаторов», считающих себя педагогами потому, что могут как следует «отрефлексировать» и «проинтерпретировать». Живёт — но сопротивляется всё слабее, утопая в волнах педагогизмов как средства профессиональной самоидентификации тех, кто твердит: «учитель должен», «школа обязана», — не видя, не зная ни того, ни другого...

Кандидат педагогических наук сообщает в своей статье: «По мнению В. Аякунина, это связано с представлением о некотором «закостенении» психической организации в старшем возрасте и, следовательно, в отсутствии динамики в психическом развитии». Но автор вовсе не «в старшем возрасте», просто язык у него такой — чтобы прочесть и сразу понять: это кандидат наук! И не каких-нибудь, а педагогических! Другой ораторствует по поводу трёх ориентаций студентов: одних привлекает стабильность, других — независимость, третьих... — менеджмент! Ситуация — «вечер с музыкой, а пироги — с ботвиньей», она же — «в огороде бузина, а в Киеве — дядька», являет собой классическую структуру силлеса — вневещного совмещения понятий и признаков разных родов и рядов. Из той же области — уже цитированное «сочетание практического работника с научным поиском», отсюда же — «когнитивная и российская педагогика». Весь вопрос в том, почему заведомый языковой беспредел всё чаще проходит под вывесками педагогических докладов, статей и диссертаций, утверждающих безграмотность как норму.

Беспредел, ибо педагог — не тот, кто «с позиции концепции», щедро приправленной ошибками и алогизмами, а тот, кто учит и учится сам. Беспредел, — ибо уводит от норм и традиций русского языка, позволяя с умным видом утверждать несуществующие слова и неправильные написания.

«Раскрыты скрытые возможности... А так же отсутствие ориентации... На первом курсе, также, как в экспериментальной группе... Проводились наше исследование...» На месте институтов и университетов — ВУЗ, Вуз и просто вуз. — Когда все три варианта мирно размещаются в одной статье, — становится ясно, что это авторский способ кодирования разных вещей, омонимически совпадающих в одном слове. Но русский ЯЗЫК, Язык и просто язык — не экспериментальная площадка, а средство национальной безопасности. Нельзя с ним так безответственно обращаться!

Вот уже не просто фраза, а название целой главы: «Результаты эмпирического исследования динамики изменения личности студентов в условиях развивающей среды»...

Для учёного, проводящего исследование «проблемы развития личности студента», целью «психолого-педагогического сопровождения социально-профессионального воспитания» оказываются вообще такие вещи, названия которых можно выговорить лишь с третьего раза, и то если принёс немалый доход винному отделу: торговцы доплачивать должны за такой язык!

Мышенков — герой рассказов Виктора Ардова — произносит со значительным видом накануне юбилея одного из сотрудников: «На сегодняшний день у нас имеется полная договорённость с рестораном Мостропа номер семнадцать в отношении юбилейного банкета. Имеется только недоговорённость в отношении салата. Поскольку на сегодняшний день в отношении салата паяр цена стоит на один рубль дороже, чем на салат оливье, поскольку она лимитируется ценой на консервированные крабы...» (Ардов В. Как по-написанному // Советский юмористический рассказ 20–30-х годов. М.: Правда, 1987).

За строчками нынешних педагогических книг и статей угадываются подчас такие же Мышенковы, с его стремлением непременно делать доклад — даже «в отношении салата». «Нам представляется весьма актуальным...», «Следует отметить, что данная структурная характеристика...».

Вспоминаю собственную студенческую юность. Группа подготовилась к занятию, но что-то не получалось: студенты сбивались, преподаватель морщился, как от зубной боли. И вот время расплаты наступило для студентки со среднего ряда, о которой знали только то, что она не готовилась. Совсем.

— Необходимо отметить, — прозвучал уверенный, хоть и с истерическими нотками, голос, — что данная концепция весьма показательна... — Преподаватель как-то встрепнулся, начал согласно кивать, и, хоть студентка не промолвила больше ни слова (на перемене она признавалась, что хотела сказать ещё о «доминирующей роли», но не знала, куда вернуть, он поставил ей высшую оценку)...

«Важно отметить», — начинает новый параграф учёная дама. Важно? — Отмечай! Не станет квалифицированное водопроводчик, если каждое действие будет предварять обращением к самому себе: «Необходимо сменить муфту». «Следует поменять жировик». «Представляется весьма важным установление новой прокладки». Любой профессионал выполняет работу, не заключающая с самим собой нечто вроде «протокола о намерениях» через каждую фразу. «Важно отметить, что внутренний мир и самостоятельная активность начинают играть определяющую роль в юношеском возрасте», — вновь слышится безапелляционно-дидактический голос. Но в русском языке существует принцип краткости, в соответствии с которым любое слово и сочетание, не имеющее смысла (то есть словоблудие), должно устраняться. «Словами-паразитами» именно по этой причине были названы в своё время прописавшиеся в устной речи «так сказать», «как говорится», разного рода «ну», «таким образом», «итак», когда они ровно ничего не соединяли не обобщали, не итожили. Сегодня в этот ряд включились «короче», «типа того», «в натуре», в научных текстах успешно дополняемые разного рода вводными и вставными конструкциями, начисто лишёнными смысла.

Научный язык — один из пяти функциональных языковых стилей, определяющих наше речевое поведение; явление это находится в литературных рамках современного русского языка и его нормативной системы. За пределами нормы оказывается так называемое просторечие; явления, характеризующиеся в качестве просторечных, — показатель безграмотности и бескультуры человека, в чьей речи они встречаются. Помимо очевидных слов-

паразитов, лишённых какого-либо информативного или экспрессивного смысла, просторечным можно считать авторское «мы» от имени одного автора; настойчиво повторяемое «данный» вместо указательных «этот», «тот»; совершенно бессмысленное «также» в начале предложения, обнаруживающее страстный и безуспешный поиск автором мысли и точного слова при полном их отсутствии.

Кстати, «мы» диссертанта действительно оправдано соавторством с научным руководителем: «мы ставили эксперимент», «мы интерпретировали результаты», даже «мы пришли к заключению». Когда же будущий кандидат наук прямо в аудитории, где проходит защита, отвечает на вопрос: «Мы считаем», «мы согласны», «мы благодарим...», — здесь недалеко и до утраченного, но, увы, прозвучавшего: «наши дети», — что довольно своеобразно характеризует работу соавтора. Но апофеозом, имеющим обоснование разве что в «Трёх богатырях», звучит: «Мы хотели бы поблагодарить научного руководителя». Авторское «мы»? Раздвоение личности?

Педагогическая молодость плавно перетекает в педагогическую же зрелость. Академик, текст которого пересыпан ошибками, узнав об этом, искренне и наивно жалуется на плохую работу корректора, другой считает себя корифеем, потому что научился выговаривать «педоцентрированное», «компетентностный», а главное — к зависти тех, кто так и не стал мэтром, — обучение, традиционно плутающее в дебрях «учёбы», назвал «научением».

Кстати, об «учёбе». В.И. Даль титуловал это слово «воронежским», и «новгородским», и «курским»; Фёдор Гладков, в словах не особенно разборчивый, тут прямо и кратко припечатал: «Нелитературное». Л.Я. Боровой, знаток языковых норм и традиций, резюмирует: «Учёба» стала уже жаргонизмом — и архаизмом». Но там, где всерьёз рассуждают о «наличии эскалации антропологической катастрофы», о «высоком уровне формулировки (вместо «формулирования») целей и задач», приходя к «снижению детей-беспризорников», — там всякий *передел* — это прежде всего языковой *беспредел*, а всякое следование такой речи — «нетрадиционная языковая ориентация».

Слово — от Бога? Ерунда: в педагогике его сотворить — пара пустяков; и не важно, что при этом изуродовал уже существующее; главное — создал своё! Например, вклеить дефис в

«социально успешное», возвести многоэтажную нелепость вроде «биопсихосоциального», внедрить «самые оптимальные» и «наиболее приоритетные». А там и до «компетентностного» рукой подать. И — осознавать себя богом, создавшим слово, Не так важно, что из слова этого и колос не прорастёт, и мир не окажется понятнее. «Я ощущаю себя богом», — изрёк, сидя на ночном горшке, древнеримский император. На чём восседали творцы новых педагогизмов, наполняющих диссертации тем, что скорее для того, на чём восседал император?...

В монологе будущего учёного о крестьянской школе упоминается «идея непротivления злу насилнем Толстого», отмечается «злоупотребление полномочиями педагогическими сотрудниками», а это приводит к тому, что «представления о ценности профессии определяют стратегии построения жизни». Во всех цитированных фразах неясно: кто что делает, что кому присуще, и вообще — о чём это. «Счастье укрепляет здоровье»? «Локомотив» победил «Спартак»? Но учёный со стажем вспоминает в монографии (и не без восторга скрытого садомазохиста!) о «собственноручном изучении детей», в то время как другой открывает «методику прямого контакта с детьми», а третий, словно поводя итог, замечает: «Это вытекает из неповторимости нервной системы, то могло бы показаться, что на этот вопрос ответить просто». (Оригинал тщательно сохрaнён.)

И пока французские феминистки собирают подписи против деления на «мадам» и «мадемуазель», вопреки единообразно-маскулинному «месье», подчёркивающему различия в возрасте, — у нас, не особенно заботясь о разных там подтекстах, сообщают на всю страну: «Стандарты жизни постепенно улучшаются», и даже «Первостепенной важности является проблема придания русскому языку особого статуса». Терпимость к языковому беспределу тех, кто считает себя учёными, — национальное предательство, намного опаснее самого радикального национализма, ибо уничтожает нацию её же собственными силами, уничтожает без альтернатив и без остатка.

Продолжение следует